УДК 94(100)“1914/19” + 327(1-87) + 94(560)

Г. Н. Валиахметова

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В НЕФТЯНОЙ ДИПЛОМАТИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются слабо освещенные в научной литературе аспекты нефтяного соперничества великих держав на Ближнем Востоке в годы Первой мировой войны. Автор раскрывает нефтяную подоплеку тайных соглашений стран Антанты по разделу Османской империи и выявляет характерные черты нефтяной дипломатии, сформировавшиеся на ранних стадиях ее эволюции. Статья написана в традициях уральской школы историков-международников, основанной профессором И. Н. Чемпаловым (1913–2008).

К л ю ч е в ы е с л о в а: нефтяная дипломатия, Первая мировая война, великие державы, тайные соглашения, Ближний Восток, Османская империя.

В условиях глобализации тема энергетической безопасности выходит на первый план, роль энергетического фактора в международных отношениях и мировой политике устойчиво возрастает. На фоне дефицита энергоносителей и масштабных сдвигов в структуре мирового энергетического рынка усиливается конкуренция за доступ к энергоресурсам, уже получившая название «энергетической гонки». Нарастание конфликтности на международной арене вынуждает экспортеров и импортеров углеводородного сырья к поиску взаимоприемлемых форм и методов сотрудничества на долговременной основе. Пока этот процесс остается весьма напряженным и противоречивым. Одна из причин кроется в том, что хотя содержание и методы энергетической дипломатии многократно менялись, многие ее установки и принципы, которые сформировались на ранних этапах развития нефтяной индустрии, и сегодня действуют в полную силу. В процессе поиска мировым сообществом конструктивных путей устранения некоммерческих рисков с одновременным отстаиванием национальных интересов уроки прошлого приобретают особую актуальность.

Нефтяная дипломатия — сложный, многоплановый феномен, исследование которого требует привлечения методологического инструментария целого ряда гуманитарных дисциплин и объединения усилий специалистов в области истории, политических наук, экономики, социологии, юриспруденции, культурологии и т. д. Исторические исследования по нефтяной проблематике, выполненные в рамках междисциплинарного подхода и нового прочтения известных исторических источников с позиций актуальных проблем современности, позволяют раскрыть разнообразие задействованных в энергетической дипломатии факторов и сложное переплетение различных, порой взаимоисключающих, интересов, а также провести параллели с современной ситуацией на мировой энергетической арене. Учет исторического опыта, кроме того, выявляет историческую преемственность и специфику энергетической стратегии нынешних главных «игроков» на Большом Ближнем Востоке.

Нефтяной фактор начал выкристаллизовываться в мировой политике на рубеже XIX–XX вв. В силу своего военно-стратегического значения нефть стала

© Валиахметова Г. Н., 2014

важным показателем национальной обороноспособности, что предопределило пристальный интерес великих держав к вопросам самообеспечения данным ресурсом. Организация нефтяных предприятий перестала быть делом только коммерческих компаний, ищущих прибыли, и вышла на острие внешней политики развитых стран, лишенных собственных источников нефти. На повестку дня встал вопрос свободного доступа к нефтяным ресурсам. Проблема заключалась в том, что к началу XX в. из восьми великих держав только две — США и Россия — имели собственные крупные месторождения. Остальные великие державы не могли получить прямой доступ и к другим известным к тому времени нефтяным источникам — в Румынии, Голландской Ост-Индии, Латинской Америке, поскольку последние были уже монополизированы частным капиталом. Неравномерность в географическом размещении основных баз мировой нефтедобычи порождала острое соперничество между державами, которое внешне проявлялось в международной борьбе за захват нефтяных источников и стремлении подчинить своему влиянию нефтеносные территории политически слабых государств и смежные с ними территории. Реалии развития индустриальной цивилизации породили новый феномен — нефтяную дипломатию, сфера деятельности которой в начале XX в. сфокусировалась на Ближнем Востоке.

«Нефтяная лихорадка» на Ближнем Востоке началась с обнаружения в Персии в 1908 г. крупных месторождений нефти (сразу же монополизированных англичанами) и благоприятных прогнозов геологов в отношении нефтяного потенциала соседней Месопотамии [17], находившейся под турецкой юрисдикцией. В борьбу за контроль над нефтяными ресурсами Османской империи активно включились правительства и крупный нефтяной капитал Великобритании, Франции, Германии и США. Восточный вопрос, в значительной степени определявший мировой политический климат с конца XVIII в., дополнился нефтяным аспектом. Конфликт нефтяных интересов великих держав на Ближнем Востоке органично вплетался в клубок нараставших международных противоречий, которые в итоге привели к Первой мировой войне.

К началу войны Англии и Германии совместными усилиями удалось потеснить своих нефтяных соперников. 28 июня 1914 г., в день убийства наследника австрийского престола в Сараево, англо-германская «Туркиш Петролеум Компани» заручилась обещанием турецких властей предоставить ей эксклюзивные нефтяные права в Месопотамии [16, *663*; 19]. При этом и Лондон, и Берлин рассматривали подобное нефтяное сотрудничество лишь как временную меру. Обе державы в перспективе были нацелены на установление единоличной нефтяной монополии на Ближнем Востоке: Англия — путем раздела Османской империи [17], Германия — путем реализации проекта Срединной Европы [18].

Разразившаяся мировая война создавала благоприятные условия для реализации подобных планов. В ходе успешных военных кампаний англо-индийские войска к середине 1915 г. захватили всю Южную Месопотамию и надежно укрепились в зоне Персидского залива и р. Шатт-эль-Араб. Германия со своей стороны оказывала военную помощь турецким войскам, заранее оговорив свои условия: «Мы будем готовы принести в жертву во имя мирных переговоров наши интересы в другом месте, конечно, взамен определенных компенсаций в виде признания

нашего экономического приоритета в Месопотамии» [12, *86–93*]. В 1916 г. в Мосульском вилайете начала работать германская геологоразведочная экспедиция, которая занималась организацией поставок жидкого топлива турецкой армии и проводила пробное бурение [5, *296–298*]. (Данные, полученные немецкими специалистами, легли в основу изыскательских работ в Ираке в 1920-е гг.) Под давлением германского военного командования турецкие военачальники признали одной из приоритетных задачу удержания Мосула любыми средствами [4, *149*].

В расчете на военную помощь арабов в деле разгрома Османской империи британская дипломатия разыграла карту арабского национализма. Ставка была сделана на шерифа Мекки и Медины Хусейна аль-Хашими, чей статус арабского лидера подкреплялся религиозным авторитетом. Англо-арабские переговоры велись с июля 1915 по март 1916 г. в форме переписки между шерифом Хусейном и британским Верховным комиссаром в Египте Г. Мак-Магоном. В итоге англичане дали Хусейну весьма туманные обещания создать Арабскую империю со столицей в Дамаске, а также в обмен на денежную компенсацию добились согласия шерифа на временную оккупацию Месопотамии [8]. В июле 1916 г. Хусейн дал сигнал к началу антитурецкого восстания, и арабы отвлекли на себя 65-тысячные турецкие войска.

Тайные переговоры Англии с арабами и ее военные успехи на Ближнем Востоке возбудили традиционную подозрительность Франции. Париж требовал сосредоточить усилия на Западном фронте, Лондон настаивал на значимости ближневосточного театра военных действий, но от французской военной помощи отказывался. Это давало Франции основания считать, что Великобритания экономит силы в Европе, чтобы единолично утвердиться на арабских территориях и не допустить свою союзницу по Антанте к разделу османского нефтяного «наследства» [11, *31–36*]. Неожиданное успешное наступление русской армии на Кавказе и ее продвижение к Персидскому заливу зимой 1916 г. вынудили Англию поторопиться с точным разграничением сфер влияния на Ближнем Востоке. На Даунинг-стрит были убеждены, что если русские захватят Мосул, то уже не откажутся от нефти [9, *81*]. Решение Лондона пойти на уступки Парижу в нефтяном вопросе также было продиктовано стремлением поощрить Францию за успехи на Западном фронте (в феврале 1916 г. французская армия сдержала напор германских войск под Верденом) и за поддержку на Парижской экономической конференции в апреле того же года.

Договор, получивший название «Соглашения Сайкс-Пико», был подписан в мае 1916 г. и заранее согласован с Россией, третьей участницей Антанты. Этот документ в корне противоречил обещаниям, данным Лондоном шерифу Хусейну, поскольку предусматривал раздел арабских провинций Османской империи на сферы влияния между Англией и Францией. Большая часть нефтеносного Мосульского вилайета отходила Франции, которая в качестве уступки согласилась с тем, что совместная разработка нефтяных ресурсов этого района будет осуществляться компанией с британским контрольным пакетом акций [10, *42–43*]. В Лондоне возмущались тем «грубым невежеством», с которым были намечены линии границ. Лорд Керзон называл карту соглашения «фантастическим рисунком»: вместо того чтобы создать прочный барьер между Суэцким каналом и Персидским заливом, Англия

оставила нефтеносный Мосул и жизненно важные коммуникации в руках другой великой державы [7, *216*]. По мнению авторитетной новозеландской исследовательницы Марион Кент, англичане пошли на уступки потому, что французские претензии на Мосул поддерживала Россия, предпочитавшая иметь буфер между русской и английской сферами влияния [13, *122–124*]. Но британское правительство не собиралось отказываться от Мосула, надеясь, что ход войны изменит соотношение сил на Ближнем Востоке в пользу англичан и принудит союзников пересмотреть тайные договоры. «Нельзя допустить и мысли о том, что мирная конференция может собраться в момент, когда мы не закончили еще завоевания Ирака и Сирии», — писал Ллойд Джордж [6, *339*].

Как и в случае с довоенным нефтяным сотрудничеством с Германией, договоренности с французами и арабами рассматривались на Даунинг-стрит лишь как временная мера, позволявшая выиграть время для окончательной оккупации арабских земель британскими войсками. Поэтому подписание «Соглашения Сайкс-Пико» не помешало Англии осенью 1917 г. начать наступление в Сирии и Палестине без участия Франции, а также развернуть на этих территориях антифранцузскую пропаганду, что привело к новому витку напряженности в отношениях между двумя державами. Обязательства перед арабами вновь были нарушены в ноябре 1917 г., когда в расчете на помощь еврейских банкиров Антанте британское правительство через министра иностранных дел А. Бальфура заверило дом Ротшильдов в своей готовности создать «национальный еврейский очаг» в Палестине.

К этому времени в торг вокруг арабских провинций Османской империи включились Италия и США. Февральская революция 1917 г. и рост пацифистских настроений в России поставили союзников перед реальной угрозой выхода России из войны, что означало бы крах «турецкого проекта». Поэтому Англия и Франция решили заручиться дипломатической поддержкой Италии, допустив ее к тайному дележу османского «наследства». В апреле 1917 г. Рим одобрил основные положения «Соглашения Сайкс-Пико» в обмен на гарантии Лондона и Парижа передать в итальянскую сферу влияния ряд турецких территорий в Европе и Малой Азии. Италия была «слабым звеном» Антанты и не могла всерьез претендовать на участие не только в разработке арабских нефтяных ресурсов, но и в решении Восточного вопроса в целом. Поэтому впоследствии Англия и Франция без труда уклонились от выполнения данных ей обещаний, мотивируя это тем, что они не были одобрены Россией — участницей предыдущих соглашений о разделе Османской империи [1, *59*].

Действовать такими же методами в отношении США Антанта не могла, поскольку с осени 1917 г. британский флот и французские сухопутные войска оказались в жесткой зависимости от поставок американской нефти. Уже в первые годы войны прибыльность заграничных операций компаний рокфеллеровской группы «Стандард Ойл» настолько превзошла самые оптимистические прогнозы, что встал вопрос о целесообразности переноса центра деятельности американского нефтяного капитала в восточное полушарие. Эта идея нефтяных магнатов получила горячую поддержку в Белом доме и, по сути, легла в основу новой нефтяной политики США. Последняя, в отличие от периода довоенного времени,

ориентировалась на внешнюю экспансию и установление американского контроля не только над рынками сбыта нефтепродуктов, но и над крупнейшими месторождениями мира, а также предусматривала тесное сотрудничество нефтяных монополий и государства [14, *14*]. Ближний Восток попал в поле американских нефтяных интересов еще в конце XIX в., однако первый реальный исторический шанс закрепиться на этих землях представился США после вступления в мировую войну в апреле 1917 г.

Учитывая роль США в борьбе с Германией, Антанта не могла проигнорировать американские интересы в Восточном вопросе. В мае 1917 г. Лондон решил прозондировать почву в Вашингтоне, известив Белый дом о том, что арабские провинции Османской империи «если не будут аннексированы, то, возможно, станут в большей или меньшей степени доминионами стран Антанты». В ответ президент В. Вильсон заявил, что «ни один народ не должен принуждаться с помощью насилия к нахождению под суверенитетом, под которым он не желает находиться» [2, *95*]. США искали повод аннулировать невыгодные для себя тайные соглашения стран Антанты и предотвратить установление монополии европейских держав в арабских землях. Октябрьская революция 1917 г. и выход России из войны побудили американцев перейти к открытому дипломатическому наступлению. В декабре 1917 г. Вашингтон предложил поделить Османскую империю и передать ее части под опеку «цивилизованных наций». Чтобы Антанта не смогла проигнорировать интересы США в Восточном вопросе, американцы попытались связать его решение с германской проблемой, предложив аннулировать военные долги Турции перед Германией, ликвидировать германские сферы влияния и промышленные предприятия на Ближнем Востоке, а также передать нефтеносные земли Месопотамии под опеку США [3, *221–222*].

Апологеты теории «американской исключительности» утверждают, что либеральные принципы — «открытые двери», равные возможности, право наций на самоопределение — всегда являлись основополагающими во внешней политике Вашингтона. «Вильсоновская “политика морали” могла бы быть очень убедительной, если бы за ее спиной не поблескивала нефть», — отмечает американский историк С. Ленс [15, *230*]. Применительно к Ближнему Востоку расхождения между американскими словом и делом проявились уже к концу Первой мировой войны. Американская формула «открытых дверей», позволявшая США использовать экономические преимущества и создавать свою неформальную империю по всему миру, распространилась на нефтяную сферу и Ближний Восток, войдя в жесткое противоречие с практикой преференций и рестрикций, традиционной для колониальной политики европейских держав. Поэтому Лондон и Париж отвергли американский план. Однако в связи с опубликованием большевиками в декабре 1917 г. тайных соглашений царского правительства России с державами Антанты о разделе Османской империи Англия и Франция были вынуждены принять американские условия послевоенного устройства, изложенные в «14 пунктах» Вудро Вильсона, за основу выработки мирных соглашений на Парижской мирной конференции 1919 г.

30 октября 1918 г. Турция сдалась на милость победителей. В день подписания Мудросского перемирия, формально ознаменовавшего прекращение войны

на Ближнем Востоке, британские войска стояли в 60 км южнее г. Мосул. Однако уже на следующий день английское командование отдало приказ оккупировать весь вилайет. К началу ноября 1918 г. Англия достигла своей цели, получив под контроль нефтеносные районы Османской империи, где был установлен британский оккупационный режим.

По итогам Первой мировой войны Германия выбыла из числа претендентов на ближневосточную нефть, а Великобритания получила благоприятные возможности для установления своего контроля над нефтеносными провинциями побежденной Турции. Однако появление нового сильного конкурента в лице США, а также необходимость выполнять противоречивые обязательства, взятые на себя британским правительством в годы войны по отношению к французам, арабам и сионистам, предопределили особенности дальнейшего развития ближневосточной нефтяной проблемы. Активная поддержка Вашингтоном претензий американского капитала на ближневосточную нефть привела к конфликту с Антантой. Однако в конечном итоге США сумели предотвратить установление англо-французской нефтяной монополии в арабских странах, преодолели британское противодействие проникновению американских нефтяных компаний в зону Персидского залива и при этом избежали каких-либо политических или военных обязательств по поддержанию послевоенного мира и порядка на Ближнем Востоке.

Таким образом, история взаимоотношений великих держав в нефтяной сфере в годы Первой мировой войны свидетельствует о том, что «игра наций» никогда не сводилась исключительно к конфронтации, но осуществлялась в рамках парадигмы «соперничество — сотрудничество». В дальнейшем предметное поле и состав участников нефтяной дипломатии постоянно расширялись, но неизменными оставались ее характерные черты, сформировавшиеся на заре нефтяного империализма, — дипломатическое маневрирование, политические интриги, двойные стандарты, тесное взаимодействие государства и крупного нефтяного капитала.

---

1. *Альдрованди-Маресготти Л.* Дипломатическая война. М., 1944.
2. Архив полковника Хауза. М., 1939. Т. 3.
3. Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. 4.
4. Записки Джемаль-паши, 1913–1919. Тифлис, 1923.
5. *Клингшпор В.* Месопотамские месторождения // Нефтяное хозяйство. 1926. № 2.
6. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. 3.
7. *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1956. Т. 2.
8. Переписка Мак-Магон — Хусейн // Документальная история арабо-израильского конфликта. Нижний Новгород, 1991.
9. Раздел Азиатской Турции (по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел России). М., 1924.
10. Соглашение Сайкс-Пико, 9–16 мая 1916 г. // Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1927. Ч. 2.
11. *Тардье А.* Мир. М., 1943.
12. *Шульце Э.* Борьба за персидско-месопотамскую нефть. М., 1924.
13. *Kent M.* Oil and Empire: British Policy and Mesopotamian Oil, 1900–1920. L., 1986.
14. *Kokxhoorn N.* Oil and Politics: The Domestic Roots of US Expansion in the Middle East. Frankfurt a/M., 1977.

15. *Lens S.* The Forging of American Empire. The History of American Imperialism from Revolution to Vietnam. N. Y., 1974.
16. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. 2. Washington, 1936.
17. Public Record Office. Foreign Office 371.17831. E 4540/487/25.
18. *Trumpener U.* Germany and the End of Ottoman Empire // The Great Powers and the End of Ottoman Empire. L., 1996.
19. Turkish Petroleum Company. Foreign Office Agreement. 1914, March // Kent M. Oil and Empire. L., 1986.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 355.123 + 355.48(100)“1914/19” **М. А. Фельдман**

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ АРМИИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ТРУДАХ В. В. ПОЛИКАРПОВА

В статье дается анализ концепции видного российского историка, известного специалиста по истории военной промышленности России начала XX в. В. В. Поликарпова об уровне военно-технической подготовки армии России к Первой мировой войне. Суть концепции В. В. Поликарпова заключается в том, что ни вооружение русской армии, ни потенциал военной промышленности России, ни уровень руководства страной не соответствовали требованиям современной войны, каковой для начала XX в. являлась Первая мировая.

Ключевые слова: В. В. Поликарпов, русская армия, военно-техническая подготовка, Первая мировая война.

Одним из наиболее основательных трудов уровня военно-технической подготовки армии России к Первой мировой войне является книга известного российского историка В. В. Поликарпова «От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века» [1], представляющая собой своеобразный итог четырех десятилетий исследований автора. В. В. Поликарпов на основе глубокого и всестороннего изучения источников вносит новое понимание состояния военной промышленности и вооруженных сил России.

Суть проблемы в первые десятилетия XX в., с горечью отмечает автор, один из крупнейших специалистов по военной истории, заключалась в весьма прозаичном факте: стране среднеразвитого капитализма, с далеко не высокоразвитыми монополиями, было не под силу создать могущественные армию и флот, не уступающие германским. Так, планы сооружения новейших броненосцев — дредноутов — выявили глубину технического отставания России: отсутствие заводов с расширенными стапелями, производства мощных турбинных двигателей, брони повышенной прочности [Там же, *265*].

Следуя буквально указаниям высочайшего рескрипта, морской министр А. А. Бирилев докладывал царю в октябре 1906 г.: мы должны строить эскадренные

© Фельдман М. А., 2014